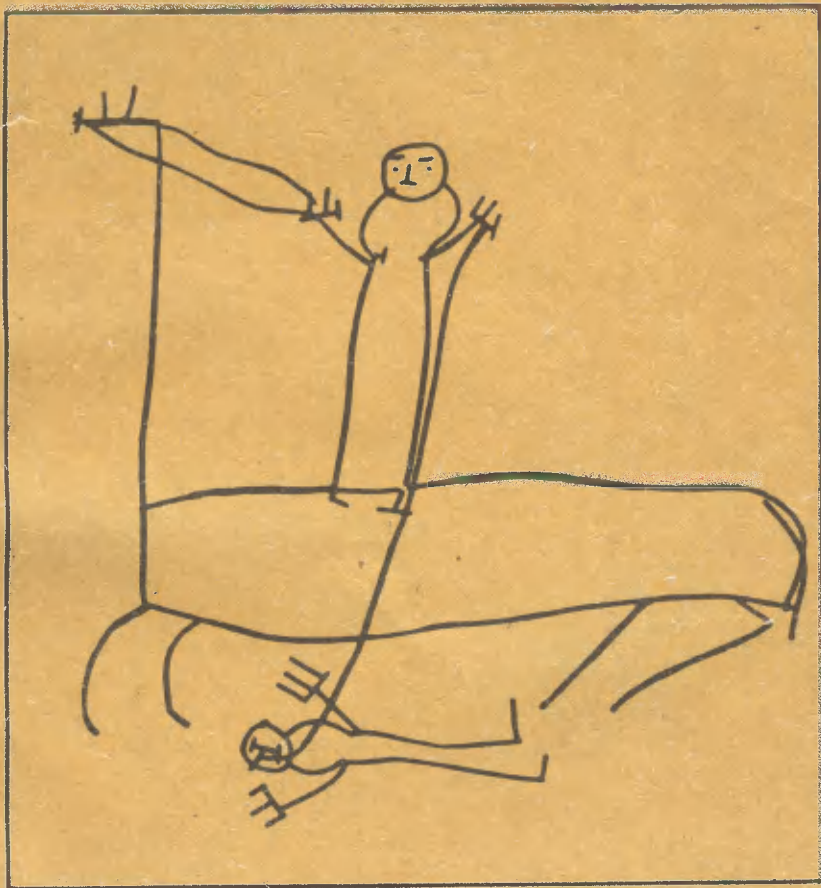

И.В.Дубов

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. В. ДУБОВ

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Учебное пособие

Ленинград
Издательство Ленинградского университета
1990

количество такой посуды превышает 50 фрагментов. Причем удалось реконструировать разные типы сосудов — горшок, кувшин, чашу. Представлены фрагменты сосудов серой, желтой и красной болгарской посуды (преобладает последняя). Об опосредованных связях Белоозера со Средней Азией через Булгар говорят находки сфероконических сосудов, поливной посуды. Список вещей, происходящих из Булгара, дополняют бронзовые замки в виде лошадок, зооморфные игрушки.

В самом Белоозере пока не известны клады восточных монет, но зато они выявлены на Шексне и Мологе, где были зарыты в землю в IX столетии.

Находки дают возможность для утверждения, согласно которому Белоозеро в IX—XI вв. было в основном торгово-ремесленным центром, ибо находки земледельческих орудий принадлежат преимущественно из слоев XII—XIII вв. Судя по всему, хлеб был в Белоозере главным образом привозным и шел в обмен в основном на пушнину. В связи с этим уместно вспомнить свидетельство В. Н. Татищева.

Он цитирует сообщение летописи под 1229 г.: «В сие время глад был во всей Руси два года, и множество людей помирало, а более в Новгороде и Белоозере, но болгары, учиня мир, возили жита по Волге и Оке во все грады русские и продавали и тем великую помощь сделали». Однако значительное количество находок свидетельствует о высоком развитии в Белоозере скотоводства, охоты, рыбной ловли. По статистической оценке, на первом месте стоят кости крупного домашнего скота. За ним следуют свинья, лошадь, мелкий рогатый скот, собака.

Среди костей диких животных выделяются остатки лося, северного оленя, бобра, зайца, лисицы, волка.

Белоозерцы занимались также обработкой шерсти, кожи, прядением, ткачеством.

В изобилии здесь встречены и орудия рыболовства — крючки, остроги, грузила, пешни, поплавки.

Такова общая характеристика хозяйства и быта древнего Белоозера.

На первом этапе, начиная с IX в., Белоозеро было протогородским центром с полиэтничным населением, куда входили главным образом славяне и финно-угры.

Затем в X—XI столетиях оно становится одним из центров славянского освоения севера и формирования древнерусской народности.

В XII—XIII вв. — это уже вполне сформировавшийся древнерусский город — средоточие ремесел и торговли.

Его новый подъем происходит в XIII в., когда сюда начинается приток населения из Южной и Северо-Восточной Руси, бегущего от татаро-монгольских завоевателей.

ПРОТОГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Михайловский центр

Он расположен в 10 км к северу от Ярославля на левом берегу Волги. Первоначально достоянием науки стал Михайловский курганный некрополь. Раскопки курганов здесь проводили такие известные археологи, как И. А. Тихомиров, В. А. Городцов, Т. Арне, Д. Н. Эдинг, Я. В. Станкевич. Начиная с 1896 г. в течение трех полевых сезонов в Михайловском работал ярославский историк-археолог и краевед И. А. Тихомиров. За эти годы им было раскопано на могильнике «в роще» в общей сложности 74 насыпи и на могильнике «в лесу» — 27 — всего 101 курган. В современной археологической литературе фигурирует почти всегда только один курганный могильник у села Михайловского Ярославского уезда Ярославской губернии. Однако еще в 1913 г. И. А. Тихомиров недвусмысленно указывал на наличие в этом месте двух некрополей, датируя второй Михайловский могильник XI столетием. Сообщение об этом памятнике промелькнуло также в исследовании Я. В. Станкевич: «...поздние курганы Михайловского могильника по своему обряду и по инвентарю связываются с небольшим курганным могильником, расположенным в 2,5 км к югу от с. Михайловского за линией железной дороги в месте слияния Сухого ручья с его притоком. В настоящее время этот памятник полностью разрушен». Как показала проверка архивных данных, в самом деле у с. Михайловского существовало два некрополя. Михайловский II-й состоял из сорока одной насыпи, из которых в 1897—1898 гг. было раскопано 27 (все они содержали погребения по обряду труположения).

Наряду с профессиональными исследованиями И. А. Тихомирова, на Михайловском могильнике проводились и самостоятельные раскопки. Так, в 1899 г. в Дривлехранилище Ярославской губернской ученой архивной комиссии поступили от помещика из сельца Михайловского Ярославского уезда Ярославской губернии А. А. Марковича и местного священника Н. А. Виноградова с пометой как «найденные при сносе кургана для разравнивания местности» новые предметы старины (среди них были меч и боевой нож).

Всего было передано 24 находки, а сохранилось в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника лишь 2. Другие находки, возможно, также происходящие из данного погребения, вероятно, были утрачены во время выставки в Демидовском юридическом лицее. Впервые эти меч и скрамасак из Михайловского могильника были опубликованы Я. В. Станкевич, которая датировала меч второй половиной

Х в. Относится он к типу V, все датированные экземпляры которого можно отнести к X столетию. Скрамасакс является довольно редкой находкой в Северо-Восточной Руси, по аналогиям установлено, что такие боевые ножи находились в употреблении в X в. и встречаются в богатых погребениях и, как правило, вместе с мечами. Не является исключением из правила и находка в Михайловском. Очевидно, что и здесь следует вести речь о нерядовом дружинном захоронении. При расчистке клинка меча на нем обнаружено выложенное дамаскированной инкрустацией двухстороннее клеймо плохой сохранности. На одной стороне клинка можно уверенно реконструировать надпись «ULFBERHT», а на другой — орнаментальное переплетение.

В 1902—1903 гг. в Михайловском работал В. А. Городцов, где под его руководством силами воспитанников Ярославского кадетского корпуса раскапывались 6 курганов, содержащих погребения по обряду трупосожжения.

В 1913 г. в Россию приезжает известный шведский археолог Турне Арне, который в целях получения материала для обоснования норманской теории, проводит значительные раскопки в Михайловском под Ярославлем, где насчитует 18 курганов. В 1921 г. также небольшие раскопки (4 кургана) в Михайловском осуществляет известный исследователь Сарского городища Д. Н. Эдинг.

Новый этап изучения Михайловского могильника начался в 1938 г., когда здесь в течение двух лет осуществляла раскопки ленинградский археолог Я. В. Станкевич. В результате этих работ в Михайловском было вскрыто 24 кургана. Особенностью раскопок Я. В. Станкевич было применение новой методики исследования курганных некрополей. Все предыдущие исследователи копали колодцами или траншеями, а Я. В. Станкевич — на снос. Применение этой методики сразу дало свои плоды — курганы, раскопанные ею, прочно вошли в число полноценных комплексов Ярославских могильников. Результаты раскопок были обобщены Я. В. Станкевич в обширной статье, вышедшей в 1941 г., где был опубликован дневник раскопок 1938 г., а также описания курганов, исследованных И. А. Тихомировым в 1897—1898 гг., составленные по архивным данным.

В 1960—1961 гг. раскопки Михайловского могильника были полностью завершены (вскрыто 44 кургана).¹ В настоящее время в распоряжении исследователей находился материал, происходящий из 171 кургана Михайловского могильника. Более 60% из них составляют захоронения по обряду трупосожжения.

Здесь мы встречаем практически все известные варианты сожжений — в деревянном срубе, просто на кострище, на сто-

роне. Кости иногда собирались в урны или накрывались последними, складывались в грунтовые ямы. Труположения формируют более позднюю часть могильника. Курганы, где они обнаружены, располагаются компактной группой. Однообразен обряд этих погребений и скуден их инвентарь.

Находки в курганах имеют славянское, скандинавское и финно-угорское происхождение.

Ряд вещей носит общеевропейский характер и встречается в различной этнической среде. Вплоть до настоящего времени, мы имели лишь скудные сообщения о наличии здесь поселения, синхронного могильнику. Так, Я. В. Станкевич отмечала, что «западная, более поздняя, часть могильника заходит на край ранее существовавшего здесь селища». В 1979 г. при осмотре местности близ с Михайловского предположения Я. В. Станкевич частично подтвердились и были уточнены. Удалось обнаружить следы культурного слоя и установить, что с северо-востока, севера и северо-запада могильник подковой был окружен поселением площадью около 6 га. Мощност культурного слоя 25—50 см. Найдены фрагменты лепной и гончарной керамики, шлаки, угли, зола, обгорелые камни. Судя по всему, поселение в целом синхронно с могильником. Обнаруженная керамика аналогична находкам на Тимеревском поселении и вполне может быть использована как сравнительный материал. Из новейших находок следует отметить фрагмент западноевропейской монеты, чеканенной в XI в. в Германии Оттом III и Адельгейдой (конец X—40-е годы XI в.). Определения В. М. Потгина.

К сожалению, раскопки здесь невозможны — часть поселения плотно застроена жилыми домами, а другая занята сельскохозяйственным комплексом. Причем на культурный слой почти везде насыпана мощная подушка из глины.

Михайловский комплекс, включавший в себя поселение площадью около 6 га и курганный некрополь, состоящий из 400 курганов, располагался на некотором удалении от Волги — основной водной артерии Древней Руси эпохи раннего средневековья. Это расстояние достигало 4 км. Михайловское поселение и могильник находились на берегу небольшой (ныне пересохшей) речки, связывавшей в древности этот пункт с Волгой. Такое расположение древнего центра было обусловлено целым рядом причин и является одной из отличительных черт протогородских центров. Михайловский комплекс занимал сухое возвышенное место на краю плато и сразу рядом с ним начиналась пойма Волги. Выбор места обуславливался и военно-стратегическими причинами: во-первых, здесь обеспечивалась достаточная безопасность, и, во-вторых, надежно контролировался весь участок Волги до впадения в нее р. Которосли, где находился поворот в Волго-Окское междуречье.

Своего расцвета Михайловский комплекс, возникший в IX в., достигает в середине X столетия, т. е. в ту пору, когда Волжский

¹ Недошивина Н. Г. Михайловский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. / Под ред. А. П. Смирнова. М., 1963. С. 24—31.

путь наиболее интенсивно использовался как трансевропейская торговая артерия и как дорога славянского заселения Северо-Востока.

В погребальных комплексах X в. Михайловского могильника в изобилии представлены оружие и различные привозные изделия. Вполне вероятно, что в значительной части курганов Михайловского могильника захоронены представители дружинного слоя из состава военного гарнизона, контролировавшего ключевой опорный пункт на Волжском пути.

Михайловский центр имел полиэтничный характер. Здесь достаточно четко выявляются скандинавские погребальные комплексы.

В Михайловском могильнике из комплексов IX — начала X вв. связан со скандинавами курган № 105, раскопанный в 1961 г. Здесь среди кальцинированных человеческих костей найдена гривна с молоточками Тора. Общепринято, что эти амулеты являются скандинавскими этническими индикаторами. Среди комплексов первой половины X в. несколько погребений можно отнести к скандинавским. Во-первых, это курган № 18, 1897 г. раскопок, где в состав инвентаря входят две скорлупообразные фибулы, меч, согнутый пополам, дирхем-привеска 805—809 гг. чеканки, ореховая скорлупа. Меч относится к типу «Е». В Скандинавии мечи этого типа после 900 г. встречаются крайне редко. Собственно, погребение является урновым. Его обряд в сочетании с инвентарем позволяет думать, что перед нами скандинавское погребение.

По ряду признаков к этому комплексу близок курган № 1 (1902 г.) — на кострище рядом с урной, заполненной человеческими костями, обнаружены меч, сломанный пополам и положенный на урну (тип Д — IX—X вв.), ладейные заклепки, бусы, богатый поясной набор, стрела, ореховая скорлупа. К этой же группе можно отнести — и курган № 65 (1961 г.), где кальцинированные кости были сложены в урну, рядом с которой лежали бусы, дирхемы, гирька, гребень с плетенкой и железная шейная гривна с привесками в виде молоточков Тора.

Следует отметить, что, вообще, в курганах Михайловского могильника первой половины X в. широко представлены северо-европейские вещи (мечи, копья, ланцетовидные стрелы, весы, гирьки, монеты, шипы, фрагменты ларчиков, фибулы). Эти факты свидетельствуют об участии Михайловского комплекса в торговых связях по Волжскому пути с Северо-Западом Руси, откуда и поступали вышеназванные вещи. Однако, это, конечно, не говорит в пользу исключительно скандинавского происхождения погребений, где они найдены.

Следует особо отметить находку круглой бронзовой фибулы в кургане № 176 из раскопок 1961 г., имеющей точную аналогию в шведском могильнике Бирка. На обоих экземплярах — стилизованные изображения коня с развевающимися вокруг

крупя лентами (змеями). Изображение на ярославской находке даже в деталях идентично рисунку на застёжке из Бирки.

Оба комплекса датируются первой половиной X в. Анализ фибул позволяет высказать предположения, что обе изготовлены в одной мастерской где-то в Скандинавии, может в Бирке. По крайней мере, эта находка говорит о наличии связей Верхней Волги со Скандинавией в эпоху раннего средневековья.

Для середины X столетия можно выделить 3 кургана Михайловского кладбища. Это насыпи № 10 (1897 г.), № 3 (1903 г.), № 101 (1961 г.). В первом из них достаточно четко представлены северо-европейские элементы — фибулы с длинной иглой типа 227, меч типа «X», боевые топоры II типа, ланцетовидные стрелы. Из последнего кургана происходит железная шейная гривна из дрота четырехгранного сечения.

Во второй половине этого столетия в Михайловском лишь одна насыпь (№ 1 — 1896 г.) содержит набор фибул типа 52, кроме них, в состав инвентаря входят копьё, шип, ручка от ларца, ключ, ножницы, ладейные заклепки. Мечи в Михайловском могильнике найдены в шести комплексах (в Тимеревском они известны в двух курганах и в Петровском — в одном).

Специальному анализу мечи из ярославских курганов были подвергнуты в работе А. Н. Кирпичникова. Следует перечислить эти находки. В 1897 г. во время раскопок И. А. Тихомирова в кургане № 18 был найден меч типа «Е», датирующийся X в. В 1898 г. тот же исследователь обнаружил сразу три меча типа «V» в курганах № 1, 34, 39. Эти комплексы датированы также X столетием. В 1899 г. при случайных раскопках был найден еще один меч типа «V». Еще одна находка была сделана В. А. Городцовым в 1902 г. в кургане № 1. Среди них выявлены клинки с общеизвестной меткой «ULFBERT».

Эти материалы подтверждают выводы о существенном значении и роли Михайловского центра как опорного пункта на Волжском пути.

Петровский центр

Вторым протогородским центром в Ярославском Поволжье являются могильник и поселения у д. Петровское, расположенные на расстоянии 1 км к юго-западу от Ярославля. Изучение Петровского могильника, как и Михайловского, началось в XIX в. В 1877 г. проведено обследование Петровского могильника, в итоге которого было установлено, что он занимает площадь 4,5 га и состоит из множества курганов. Первые сведения о его раскопках были опубликованы в «Ярославских губернских ведомостях» в 1880 г. Сообщалось, что в с. Петровском П. О. Черневским было раскопано 7 курганов. Какие-то данные об этих раскопках в архивах или научной литературе отсутствуют. В 1908 г. И. С. Абрамов раскопал в Петровском 9 насы-

пей. В 1962—1963 гг. проведены новые обследования и раскопки Петровского могильника. М. В. Фехнер насчитала здесь 141 насыпь, часть из которых была уже исследована. За два года раскопок было вскрыто 106 курганов.

Всего имеются достоверные данные по 145 курганам. Чуть более половины из них содержали погребения по обряду трупосожжения как на месте сооружения насыпи, так и за ее пределами. Иногда кальцинированные кости находились в глиняных урнах или в материковых ямах.

Погребальный инвентарь курганов Петровского могильника значительно скромнее Михайловского — глиняные сосуды, костяные гребни и копоушки, глиняные кольца и лапы, оселки, бусы, железные и бронзовые предметы. Незначительное количество курганов отличаются богатством инвентаря.

В Петровском могильнике скандинавские комплексы IX в. не выявлены, однако в кургане № 73 найдена фибула, датируемая этим временем. Из курганов Петровского некрополя лишь 2 содержат наборы фибул типов 52 и 55, относящихся к концу X в.

Среди прочих выделяется курган № 38 (захоронение мужчины), где найдены навершие меча, оковка колчана, нож, поясной набор, накладки от лука, гребень, весы, весовые гири и большое количество оплавленных бронзовых и железных вещей.

Рядом с могильником удалось обнаружить следы двух поселений, на которых произведена шурфовка. Вторично они были исследованы в 1972 г. Собран обильный подъемный материал, среди которого следует отметить многочисленные находки остатков литейного производства — тигли, шлаки, крица, оплавленная керамика, стекло.

Равно как и могильник, эти селища требуют дальнейших исследований.

В 1985 г. близ данного комплекса, на противоположном берегу р. Шатерки, была обнаружена сопковидная насыпь — первая из известных в Ярославском Поволжье. Ранее ближайшими были сопки, выявленные на р. Мологе.

Таким образом, в Петровский комплекс входили два поселения, курганный могильник и отдельно стоящая сопковидная насыпь. Своего расцвета он достигает в середине X в.

Петровский комплекс, как и Михайловский, имел торгово-ремесленный характер. В состав инвентаря входят многочисленные импортные изделия, а на поселении обнаружены следы литейного производства и других ремесел. Петровские памятники были тесно связаны с Волжским путем. Они располагаются на р. Шатерке, притоке Великой, в свою очередь впадающей в Волгу и берущей начало неподалеку от Тимеревского протогородского центра, который будет рассмотрен ниже.

Петровский комплекс более «провинциален», нежели Михайловский. Погребения с оружием здесь большая редкость, курга-

ны более однородные и не выделяются бедностью или богатством инвентаря. Хронологически Петровский комплекс вписывается в период существования в Волго-Окском междуречье протогородских центров (IX—XI вв.)

Тимеревский центр

Наконец, третьим наиболее крупным протогородским центром Ярославского Поволжья является Тимеревский, в состав которого входят обширный могильник, 2 курганные группы, 2 поселения (одно из которых превышает площадь 10 га) и 2 клада куфических монет.

Первым в конце 60-х годов прошлого столетия был открыт Тимеревский могильник. Он стал известен с момента, когда ярославский краевед Н. П. Сабанеев включил его в список памятников губернии. С тех пор Тимеревский некрополь неоднократно осматривался и подвергался раскопкам археологов. Давалась и различная количественная оценка могильника. Так, ярославский историк-краевед В. И. Лествицын выполнил первое топографическое описание Тимеревского могильника, указав его точные координаты, площадь, число курганов (более 150), размеры насыпей. Однако это описание было составлено в результате поверхностного осмотра могильника и во многом страдает неточностями. И прежде всего это касается числа курганов, которое было значительно занижено. Другие авторы называли иное количество насыпей в Тимеревском могильнике, и оно доходило до 1000—1500.

Важным событием в истории археологического изучения Ярославской губернии стал VII Археологический съезд, проводившийся в Ярославле в 1887 г. Подготовительным комитетом была организована выставка археологических находок с территории губернии, и члены этого съезда провели раскопки двух курганов Тимеревского курганного могильника 15 августа 1887 г. В хронике съезда отмечалось, что, «несмотря на дождь, раскопка была удачна и вскрытие курганов оказалось весьма интересным». Часть находок из этих раскопок хранится в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника.

В 1900 г. в Тимереве проводил раскопки И. А. Тихомиров, где за полевой сезон им было вскрыто 14 курганов. В этом же году И. А. Тихомиров открывает курганные группы у д. Малое Тимерево, и Гончаров начинает там раскопки. По итогам своих работ И. А. Тихомиров делал доклады на заседаниях Ярославской губернской ученой архивной комиссии и опубликовал их результаты в двух обширных статьях.

Спустя восемь лет И. С. Абрамов продолжил изучение погребальных древностей Тимерева. Он вскрыл 2 насыпи в основном могильнике и неизвестное количество курганов у д. Гонча-

рово. В советское время исследования Тимеревского могильника продолжает в 1938—1939 гг. Я. В. Станкевич — она раскопала в течение двух полевых сезонов 26 погребальных комплексов.

В 1959—1961 гг. на Тимеревском могильнике производит раскопки экспедиция Государственного исторического музея под руководством М. В. Фехнер. В эти годы было исследовано 282 насыпи.

Начиная с 1974 г. новые раскопки курганов Тимеревского могильника производила экспедиция Государственного исторического музея. За пять лет исследований вскрыто 97 насыпей.

В 1973 г. экспедицией Ленинградского университета был вскрыт курган № 95, давший новую уникальную информацию о могильнике в целом. Всего в кургане обнаружены 3 погребения (2 из них совершены по обряду трупоположения).

Погребение 1 — захоронение ребенка 2,5—3 лет (сохранились только фрагменты черепа и несколько костей) располагалось в северо-западном секторе. Здесь найдены два железных ножа и железный серпообразный предмет с петлей на конце.

Погребение 2 сохранилось гораздо лучше: здесь почти полностью уцелел костяк женщины приблизительно 25 лет. Найден богатый набор погребального инвентаря: бусины круглая из горного хрусталя и призматическая сердоликовая, биконическое пряслице из розового овручского шифера, два височных серебряных кольца с завитками на конце и фрагментом напускной серебряной бусины, двусторонний костяной гребень с процарпанным знаком в виде неправильного круга с крестом в центре, серебряный пластинчатый орнаментированный перстень, серебряное несомкнутое кольцо, два оселка. В ногах у погребенной был раздавленный лепной горшок с орнаментом в виде насечки по обрезу венчика, обычный для сосудов из трупоположений Тимеревского могильника. По обряду погребения и составу инвентаря комплекс может быть датирован концом X — началом XI в.

Основное погребение, совершенное по обряду трупосожжения, дошло до нас в непотревоженном виде. В центре кургана на незначительной подсыпке из песка, лежащей прямо на материке, на глубине 70—80 см находилось кострище округлой формы диаметром 4 м и мощностью 15—20 см. По всей площади кострища были разбросаны кальцированные человеческие кости и кости животных, главным образом овцы (козы). В центре, откуда происходит большинство вещевых находок, были кучка кальцированных человеческих костей и необожженные кости курицы, брошенные уже на погасший погребальный костер. Здесь были кремированы женщина 40 лет и ребенок до 2 лет. В 1 м от кострища, в южной части насыпи, обнаружена каменная вымостка, выложенная на материке и ориентированная по линии запад—восток. Она имела треугольную или ладье-

видную форму. Длина ее 2,4 м и ширина — 1,4 м. Камни лежали в один слой. Подобные вымостки широко распространены на территории Скандинавии.

Основную часть вещей, найденных на кострище, составляют женские украшения. Среди них ожерелье из 51 бусины различных форм и самых разнообразных материалов — стекла, горного хрусталя, сердолика, пасты, серебра.

Наиболее интересны серебряные ажурные биконические бусины из рубчатой проволоки. Аналогии им известны в погребальных комплексах Северной Прибалтики (Бирка; о-ва Эланд, Адельзе, Аландские; Дания). Ярославские экземпляры — самая восточная находка этих бус. На территории СССР четыре подобные бусины ранее обнаружены в кургане урочища Плакун близ Старой Ладogi. По мнению Г. Ф. Корзухиной, плакунский комплекс можно датировать IX в., может быть, первой половиной столетия. Курганы с аналогичными бусами на территории Скандинавии датируются IX—X вв. или, там, где возможна более узкая датировка — IX в. Интересен составной односторонний гребень с орнаментом в виде плетенки и меандра на накладке, аналогии которому встречаются в странах Балтики, где они датируются IX—X вв. В состав инвентаря входило много серебряных, бронзовых украшений, детали костюма, очень сильно пострадавшие от огня. Среди них все же можно узнать оковки ларца, бронзовые шпеньки и накладки от пояса, пуговицы, бубенчики, бронзовую скорлупообразную овальную фибулу. Последнюю можно отнести к типу 27 (первая половина IX в.).

На кострище обнаружены также три восточные монеты второй половины VIII в.

Раскопанный курган, самый ранний из твердо датированных Ярославских могильников, относится по-видимому к первой половине IX в.

В 1976 г. Ярославской экспедицией Ленинградского университета был исследован еще один курган, насыпь которого не сохранилась вследствие распашки, и он не отмечался на планах могильника. Этот курган находился на юго-восточной окраине некрополя, где кладбище близко подступает к поселению.

Во время обследования поселения с помощью металлоискателя был обнаружен сначала меч, а затем на месте находки заложен раскоп, где и найдено кострище с кальцированными человеческими костями и вещами, сопровождавшими погребенного. На этом мече позднее было выявлено клеймо «ULFBERHT». Часть кальцированных человеческих костей была собрана в урну, поставленную на кострище. Захоронен здесь был мужчина 30—40 лет. Большая часть вещей погибла на погребальном костре — найдены оплавленные куски бронзы, железа, сожженные изделия из кости. Сохранились: три фрагмента накладок костяного гребня — на двух из них виден орнамент; железный ледоходный шип, часть ладейной заклепки,

ланцетовидный наконечник стрелы с обломанным пером, две бочонковидные гирьки со знаками кратности.

Из курганов, раскопанных в эти годы экспедицией Государственного исторического музея наиболее ярким является комплекс № 100.² Погребение здесь было совершено в могильной яме — камере. Вдоль ее южной стенки — останки двух лошадей и челюсти двух особей крупного рогатого скота. В камере, судя по инвентарю, находилось парное захоронение мужчины и женщины. К первому погребению относятся меч с клеймом на клинке в виде латинской буквы «С», наконечники копья и стрел, петли и оковка днища колчана, детали уздечного набора, стремяна, удила с псалиями, рукоять кнутаовища, золотой перстень, весы, гирька, кожаный кошелек с семью дирхемами, чеканенными Саманидами в 963—976 гг. С женским захоронением связаны серебряные круглопроволочные височные кольца с завязанными концами, оправленная серебром каменная вставка перстня, бусы и бисер. В верхней части насыпи найдена ладейная заклепка. Это дало основание для предположения, что над камерой была положена ладья или ее часть.

Значительный интерес вызывает находка весов, на чашечках которых выявлена арабская надпись. Она расшифрована как, во-первых, «налог, подать, таможенные сборы». Это послужило основой для заключения, согласно которому весы могли принадлежать сборщику налогов или таможенной пошлины. Однако допускается и второй вариант — надпись является гарантийным знаком мастерской, выпустившей весы и заплатившей налог за них.

Совокупность материала позволяет утверждать, что здесь захоронен воин-торговец. Этот комплекс сравнивается с датскими погребениями, и «покойники, захороненные здесь, принадлежали к социальной верхушке общества». В последние годы раскопки курганов Тимеревского некрополя продолжает экспедиция Ленинградского университета. Среди исследованных ряд насыпей заслуживает особого внимания. Это прежде всего погребальные сооружения, где обнаружены камерные захоронения.

В центральной части Тимеревского могильника находится курган № 297, раскопанный в 1984—1985 гг. Парное женское погребение размещалось здесь в деревянной камере в яме. Зафиксированы остатки настила и перекрытия камеры в виде деревянных плах и отдельных кусков дерева. В изголовье погребенных внутри камеры обнаружены столбовые ямы, возможно, сохранившиеся детали козырька. Вблизи камеры найдены сожженные доски ладьи с заклепками. К востоку от ямы открыты остатки ладьевидной вымостки из камней.

² Фехнер М. В. Янина С. А. Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Под ред. В. И. Козенковой, Ю. А. Краснова, И. Г. Розенфельдт. М., 1978. С. 184—192.

Погребение № 1 (женское) (30—45 лет) находилось в южной части камеры. Захороненную сопровождали серебряная подковообразная фибула со спиральными концами, остатки золотого шитья от одежды, костяной игольник на цепочке из серебряных и бронзовых звеньев с набором железных игл, железные пружинные ножницы, нож с деревянной рукоятью, обмотанной серебряной проволокой, бусы из горного хрусталя и глазчатая, а также два глиняных лепных горшка.

Погребение № 2 принадлежало девочке 11—13 лет и находилось в северной части камеры. Здесь же найдены две скорлупообразные овальные фибулы, дирхем-привеска с ушком (804/850 г.), бусы горного хрусталя и глазчатая, серебряный перстень с сердоликовой вставкой и глиняный горшок. Здесь же обнаружены остатки отрубленной лапы медведя.

В камере были также найдены ладейная заклепка, железный предмет в виде несомкнутого кольца, фрагменты перевитой металлической ленты тяжелого сплава, а также кости лошади и свиньи. На борту камеры у юго-западного угла обнаружены остатки деревянного ведра, окованного железными обручами.

Датировку комплекса определяют прежде всего скорлупообразные фибулы типа 51К, которые бытовали во второй-третьей четвертях X в. Обряд погребения и набор вещей позволяют усматривать в этом комплексе скандинавские черты.

Исключительный интерес представляет то обстоятельство, что перстень, лежащий рядом с рукой девочки, был надет на фалангу медведя. Это не что иное, как проявление обряда обручения с медведем, широко известного у народов Северной Европы, включая и Скандинавию.

Рассмотренный курган относится к серии «больших» и «богатых» комплексов Тимеревского некрополя.

Еще один курган с камерным погребением был исследован в 1987 г. Под насыпью кургана № 284 обнаружены остатки деревянной камеры — фрагменты пола и перекрытия, в ее юго-западном углу зафиксированы камни. Погребение мужчины совершено в сидячем положении. В состав инвентаря входят бронзовая фибула, нож, трубочка для фитиля, кошелек, игральная шашка, гирька, два фрагмента восточных монет, пуговицы, два бубенчика, поясная бляшка, фрагмент слюды, две бусы и два глиняных сосуда. Датируется комплекс серединой — второй половиной X в. и носит северный характер.

В Тимеревском могильнике на сегодняшний день выявлено 12 курганов с камерными захоронениями. 6 из них содержат парные погребения в камерах. В 8 найдены фибулы, в 6 — весовые гирьки и также в 6 — монеты. Хронологически они укладываются в X столетие, причем половина из них (6) датируются второй его половиной. Подавляющее большинство этих комплексов (9) — скандинавские.

На Руси, как и в Скандинавии, камерные гробницы принад-

лежат представителям торгово-дружинного слоя, среди которого, как известно, были и выходцы из северных земель. Их наличие в Ярославском Поволжье подтверждает вывод о присутствии здесь в X в. определенного числа норманнов — торговцев и дружинников. Видимо, не случайно, что данные погребения представлены в крупнейших военно-торговых центрах Руси, каковыми являлись в IX—X вв. Гнездово, Шестовицы, Тимерево.

Первая сводная публикация Ярославских могильников была выполнена четверть века назад.³ Новые раскопки обобщены недавно.⁴ Исследователями приводится основная статистика, характеризующая Тимеревский некрополь. В 404 курганах (83,5%) обнаружены остатки захоронений, 30 (6%) оказались пустыми, по 45 насыпям, раскопанным в прошлом веке (9,5%), данные отсутствуют. Из общего количества погребений 71% составляют кремации и 29% ингумации. В основном курганы содержат по одному захоронению, но встречены и парные погребения. В некоторых курганах выявлены захоронения с различной обрядностью — сожжения и ингумации. В подавляющем большинстве вторые являются впускными и совершены в уже существовавшем кургане, где первоначально было размещено трупосожжение. В могильнике обнаружено 93 мужских погребения, 79 женских, 39 детских и 34 парных, 219 захоронений не удалось точно определить. Из курганов с сожжениями 31% составляют насыпи, где кремация производилась на месте их сооружения. В 132 курганах (29%) погребения совершены по обряду ингумации. В основном костяки располагались на горизонте, но встречены и погребения в ямах, в насыпи курганов.

В ряде комплексов Тимеревского могильника встречены отдельные камни или целые конструкции из них — ладьевидные вымостки, кольцевидные кладки.

Общая характеристика обнаруженного в могильнике инвентаря следующая. Предметы вооружения обнаружены в 48 курганах (10,3%). Среди них мечи (три целых клинка и навершие), наконечники ножен меча найдены дважды, кольчуги (4 погребения), копье, стрелы (24 кургана — 34 экз.), костяные накладки от лука (7 погребений), колчаны (5 комплексов), боевые топоры (12), боевой нож-скрамасак (1).

Снаряжение всадника и верхового коня (стремена, удила, детали конской сбруи, рукоять плети) наиболее полно представлено в кургане № 100.

Поясные наборы встречены в 34 комплексах. Торговый ин-

вентарь (весы и гирьки) найден исключительно в мужских захоронениях.

Среди предметов быта и орудий труда следует назвать деревянные чаши, бронзовые сосуды, деревянные ведра, детали ларцов, ключи, кресала, футляры от фитилей, ножи, ножницы, шипы, долота, зубила, шилья, сверла, иглы. Сельскохозяйственные орудия единичны — это сошник, коса-горбуша, серп.

Разнообразны украшения — фибулы скорлупообразные, трилистные, равноплечные, кольцевидные, подковообразные, височные кольца, венчики женских головных уборов, шейные гривны, подвески, бусы, браслеты, перстни.

В категорию принадлежностей туалета входят гребни, копоушки, пинцет, косметическая ложечка. Серию культовых принадлежностей составляют глиняные лапы и кольца, просверленные астрагалы бобра, лепешки из глины, изделия из воска, шейные гривны с привесками в виде молоточков Тора, серебряные крестики, медвежий клык-привеска.

Этот список дополняют различные отдельные находки.

Весь период существования Тимеревского курганного могильника может быть разделен на несколько стадий, имеющих свои ведущие типы и варианты погребального обряда, характерные наборы инвентаря, укладываемые в определенные хронологические границы.

IX в. — трупосожжения на стороне, кальцинированные человеческие кости находятся на материке или в насыпи, каменные конструкции (часто кольцевые каменные кладки), кости животных, керамика лепная, фибулы IX столетия, дирхемы VII—VIII вв. Характерна бедность инвентаря.

X в. — господствуют трупосожжения на месте — кострище. Разнообразные варианты обряда и богатство погребального инвентаря. Первая половина X в. — закладываются основы сложного погребального обряда, господствующего позднее, — кострище, урна, деревянные конструкции и т. д.

Середина X в. — ведущий обряд — трупосожжение на кострище в деревянном сооружении; варианты — кости в насыпи, урна перевернутая, кости в ямке под кострищем и т. д. Богатый набор инвентаря — вещи смешанного характера — фибулы, мечи, стрелы, весы, гирьки, бусы, шипы, поясные наборы, гребни, лапы, кольца глиняные, копоушки, привески из астрагалов бобра и т. д.

Вторая половина X в. — продолжают существовать традиции, выработанные на предыдущих этапах. Однако обряд упрощается, сокращается и беднеет набор инвентаря.

Конец X—XI вв. происходит коренное изменение в погребальной традиции — на смену обряду трупосожжения приходит ингумация. Существует несколько вариантов этого обряда, неравномерно представленных в могильниках — костяк располагается в насыпи, на материке, в яме. Ведущим является положе-

³ Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

⁴ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Погребальный обряд Тимеревского могильника//СА. 1985. № 2. С. 101—115; Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря//Там же. 1987. № 3. С. 70—89.

ние костяка на материке. Наиболее часто фиксируется западная ориентировка. Набор инвентаря скудный — керамика лепная и гончарная, нож, топор, пояс, оселок и т. д. Встречаются пережиточные явления обряда трупосожжения в виде зольно-угольных прослоек под или над костяком или отдельных углей, разбросанных вокруг костяка. На этой стадии курганная традиция распространяется по всему Ярославскому Поволжью.

Интересна и динамика изменения средних размеров курганных насыпей, начиная с IX в. с небольших (диаметр — 7 м, высота — 0,7 м), в первой половине — середине X столетия они достигают своего максимума (диаметр — 9 м, высота — 0,9 м), а к концу X — началу XI столетий становятся минимальными (диаметр 5—6 м, высота 0,5—0,6 м).

Картографирование погребальных комплексов, относящихся к разным стадиям, выполненное по материалам Тимеревского и Петровского некрополей, позволяет проанализировать развитие во времени, раскрыть историю их формирования.

Наиболее последовательно это прослежено на примере Тимеревского могильника. В IX столетии курганы располагаются длинной узкой полосой, проходящей через весь будущий могильник с севера на юг. Это и есть древнейшее ядро некрополя. В первой половине X в. курганы начинают насыпать на большом поле в сторону северо-запада от центрального ядра. Именно здесь в середине столетия будет сформирована основная часть могильника. Курганы второй половины X в. располагаются на периферии этой зоны. В конце X—XI столетий создается поздняя зона некрополя, состоящая исключительно из насыпей с погребениями по обряду трупоположения на юго-восточной окраине могильника. Это является финальным этапом существования кладбища у д. Большое Тимерево.

Такова общая характеристика и некоторые проблемы, вытекающие из материалов Тимеревского курганного могильника, являющегося составной частью рассматриваемого нами археологического комплекса.

На противоположном берегу р. Сечки находились две курганные группы у д. Малое Тимерево и Гончарово. По предположению И. А. Тихомирова, некогда это был один могильник, частично распаханный. Эти курганы были открыты в 1900 г. И. А. Тихомировым. В группе у д. М. Тимерево насчитывалось 7—10 курганов, а у д. Гончарово — 12 насыпей. В литературе сложилось мнение, что это были поздние группы курганов, однако, судя по раскопкам И. М. Абрамова, у д. Гончарово были и курганы с погребениями по обряду трупосожжения.

В общей сложности мы обладаем обрывочными данными о раскопках всего лишь четырех насыпей в этих группах.

В течение многих десятилетий ученые располагали в Тимереве только материалами погребальных комплексов, которые, конечно, не могли являться достаточными для исторических ре-

конструкций и вследствие этого многие суждения по поводу характера некрополей были несколько преждевременными. Существенной лакуной было отсутствие известных науке поселений в этом районе, синхронных могильникам и прямо связанных с ними. Хотя некоторые скудные сообщения о таковых в литературе встречались. Так, во время работ в Тимереве в 1961 г. М. В. Фехнер отмечала, что «одно из этих селищ было открыто разведкой 1961 года в 500—600 метрах к ЮВ от могильника. Оно расположено на правом берегу (высоком) р. Сечки близ дороги, ведущей в д. Гончарово». А в 1963 г. она же указывала, что «в окрестностях Тимеревского могильника следы одного из селищ выявлены на расстоянии 240 м к юго-востоку от курганов... Культурный слой памятника почти полностью уничтожен распахкой». В данном случае ошибочна была сама исходная позиция — считалось, что Ярославские некрополи принадлежали каждому нескольким поселениям сельского облика, и эти небольшие селища исчезли в результате распахки, а если учитывать местную традицию домостроительства — наземные дома, то вряд ли имеют смысл поиски сохранившихся построек.

В 1972 г. Ярославской экспедицией близ Тимеревского курганного могильника были открыты два поселения. Собранный на них подъемный материал показал, что они относятся к тому же времени, что и могильник, т. е. непосредственно связаны с ним. Исходя из этого в 1973 г. Ярославская экспедиция развернула здесь полевые работы. На левом берегу р. Сечки у д. Малое Тимерево расположено селище площадью 0,2 га, находящееся на верхней террасе берега реки. Подъемный материал и находки из культурного слоя, в основном лепная и гончарная керамика, позволяют связывать этот памятник со временем существования Тимеревского некрополя. Культурный слой поселения сильно перепахан и перемешан. В результате раскопок 1973 г. на селище удалось обнаружить углубленную в материк постройку размером 1,6×2,8 м и глубиной 0,2 м, ориентированную по линии север—юг (с небольшим отклонением). В заполнении этого сооружения встречена исключительно лепная керамика, найдены также плохо сохранившиеся фрагменты деревянных конструкций.

В результате работ экспедиции Ленинградского университета выяснилось, что Тимеревский могильник являлся кладбищем жителей одного крупного поселения площадью свыше 10 га, расположенного в непосредственной близости от некрополя и, несмотря на многолетнюю распахку, вполне пригодного для полевого археологического изучения. Благодаря наружным наблюдениям, шурфовке и раскопкам большими площадями удалось определить границы поселения, структуру культурного слоя, характер и плотность застройки и в итоге сделать важные шаги на пути воссоздания исторического разви-

тия памятника и его обитателей. Поселение располагалось на наклонной площадке коренного берега р. Сечки. Это место — одно из самых высоких в округе, и с запада сразу за могильником начинались заливные пространства и пойма р. Которосль. С двух сторон, таким образом, оно имело великолепные естественные укрепления. В целом доступ к нему был затруднен, так как оно находилось несколько в стороне от важнейшей водной дороги по Которосли, входившей в систему Великого Волжского пути. Культурный слой поселения, как и предполагалось ранее, значительно испорчен распашкой, мощность его колеблется от 20—25 см до 35—40 см, и в редчайших случаях доходит до 40 см. В основном толщина слоя равняется глубине запашки, и поэтому непотревоженных его участков обнаружить не удалось. В распаханном слое обнаружены практически весь набор находок, характерный для средневековых поселений, — зола, угли, горелые камни для очагов; многочисленные камни от построек; фрагменты лепной и гончарной керамики; остатки литейного производства — шлаки, тигли, крица; кости домашних и диких животных; различные индивидуальные находки. Здесь же в 1973 г. в распаханном слое сначала при наружном обследовании, а затем во время раскопок был обнаружен крупнейший для IX столетия клад дирхемов, имеющий большое значение для датировки памятника, определения его характера и направления связей.

Ранее в 1968 г. во время распашки на противоположном левом берегу р. Сечки у небольшой дубовой рощицы также был найден клад дирхемов. Часть этого клада была утрачена, и всего удалось собрать полторы тысячи монет (три экземпляра были получены нами у местных жителей). Эти монеты чеканены в VIII в. и на рубеже VIII—IX столетий. Кроме того, имеются данные о ряде монет из этого клада, находящихся в руках частных коллекционеров в Куйбышеве и Ярославле.

Все говорит о том, что этот клад попал в землю в конце IX столетия.

Клад 1973 г. на момент его первой публикации в 1975 г. насчитывал в своем составе 2618 монет, из которых 1484 целых экземпляров и 1134 фрагментированных.

Практически каждый полевой сезон происходит его пополнение, и на сегодняшний день в его состав входит 2751 монета. Новые находки не изменили общей нумизматической оценки клада и подтвердили его первоначальную датировку.

Данный клад по своему составу относится ко второму периоду, по классификации Р. Р. Фасмера, и зарыт, возможно, не позднее 870 г.

Особое значение имеет обнаружение на некоторых монетах Тимеревского клада 1973 г. граффити.

В Тимеревском кладе граффити обнаружены на одиннадцати монетах, четыре из них относятся к разряду рунических,

в том числе одна надпись. В четырех случаях зафиксированы различные геометрические значки, не поддающиеся дешифровке, и на двух монетах процарапаны подражания восточным надписям (одну из них мы уже упоминали выше). На половинке аббасидского дирхема чеканки 810/811 г. прорисован какой-то предмет, напоминающий копье. Как видим, небольшая серия граффити из Тимеревского клада крайне разнообразна.

Раскопки Тимеревского поселения большими площадками проводились четыре полевых сезона, и к настоящему времени вскрытая площадь достигает 6000 м², что составляет всего лишь 6% от предполагаемой общей площади селища. Все раскопки проводились на юго-западной окраине поселения.

Полученные материалы позволяют дать общую оценку Тимеревского поселения и комплекса в целом, достаточно обоснованно реконструировать социальную, этническую структуру, быт, верования и занятия его жителей.

В основном работами была затронута юго-западная окраина Тимеревского поселения.

На наш взгляд, наиболее ранняя часть поселения находится на раскопанном участке, хотя в ходе обсуждения итогов работ неоднократно высказывалось предположение о том, что древнейшая часть селища пока не исследована. Это мнение безусловно имеет основание, однако именно на вскрытом участке обнаружен клад, зарытый в землю в IX столетии, и здесь исследованы комплексы, практически не имеющие в составе инвентаря гончарной керамики или твердодатируемых вещей середины — второй половины X столетия. Площадь этого наиболее раннего участка достигала 1 га. И все-таки мы не исключаем вероятности обнаружения первоначального ядра поселения в центральной части памятника, которая пока еще не раскопана.

На изученной площади обнаружены остатки многочисленных ям — в прошлом жилых, хозяйственных и производственных сооружений, открытых очагов. Всего на поселении вскрыто более пятидесяти жилых и производственных комплексов.

Во многих случаях четкое разделение построек по функциональному признаку затруднено. Видимо, и в древности они могли использоваться и как жилье и как мастерские. Однако есть факты целевого использования сооружений — мастерские, обнаруженные в 1975 г. В Тимереве пока не выявлена особая ремесленная часть, каковая известна на Гнездовском поселении, где производственные постройки располагались на окраине поселка на берегу реки. В Тимереве раскопки как раз производились в прибрежной части поселения. Распашка безусловно сыграла свою разрушительную роль — утрачены многие важные детали построек, углубленных в землю, а некоторые наземные сооружения исчезли вовсе. Поскольку собственно постройки Тимеревского поселения являются предметом специ-

ального исследования, следует дать только их самую общую характеристику, подробно же необходимо остановиться на вопросах планировки и направления развития застройки поселения.

Постройки Тимеревского селища носили в основном наземный характер с креплением стен и кровли с помощью столбовых конструкций. Сооружения слегка углублялись в материковую глину, а иногда приближались по своему типу к полужемлянкам.

Формы построек различны, от подпрямоугольных камер до двух или трехчастных. В основном формы невыразительны и сильно испорчены распашкой. Столбовые ямы главным образом располагались по краям сооружений за их пределами и лишь иногда зафиксированы в самой яме. Наибольший интерес представляют двухчастные жилища с длинным углубленным входом, расположенным под прямым углом по отношению к основной камере.

Глинобитных печей в жилищах не обнаружено, их функции выполняли очаги из камней, находившиеся в самих постройках, которые имели, обычно, овальную форму, иногда они располагались на подушке из обожженной глины, специально сооруженной. Важно отметить наличие открытых очажных ям, наполненных обгорелыми камнями. Такие очаги, как правило, входят в комплексы с жилыми постройками, возможно, они являлись летними кухнями. В постройках часто встречается коричневый слой древесного тлена, видимо, остатки деревянно-го пола, а иногда рухнувших конструкций стен и крыши.

Важным является выяснение направления и основных фаз развития поселения. То, что вся площадь поселения не была застроена в одно время, не вызвало никаких сомнений и подтвердилось раскопками. Поселение разрасталось вширь, чему способствовали местные условия. Первоначально, как мы уже отмечали, была заселена лишь юго-западная часть селища. Она была ограждена от остальной территории плато мощной столбовой оградой, которая выявлена в результате раскопок в 1976 г. Основная площадь Тимеревского поселения, в состав которой входили и заброшенные участки, была обитаема начиная с середины X столетия. К этому же времени относится и максимальное количество погребений в Тимеревском могильнике.

Как показывают раскопки, новые жилища и производственные постройки в Тимереве сооружались на свободных местах, а не на месте старых, пришедших в негодность. Изучение внутренней топографии Тимеревского поселения на основании полученных во время раскопок данных позволяет уже сейчас сделать некоторые предварительные выводы. Постройки располагаются здесь гнездами, или «усадьбами». В целом планировку можно определить как беспорядочную. В состав «усадоб» входят жилые и производственные сооружения, хозяйственные ямы,

открытые очаги. В ряде случаев между «усадьбами» или вокруг них зафиксированы столбовые ямки от оград и частоколов.

Такая система планировки вполне увязывается и со старыми традициями, аналогичная застройка поселений и подобные типы построек известны в Ярославском Поволжье в более раннее время на дьяковских поселениях.

В культурном слое и заполнении построек Тимеревского поселения обнаружены различные предметы быта, орудия труда, оружие, украшения, все они позволяют судить об основных занятиях местного населения, торговых связях. Ведущими отраслями хозяйства этого центра были ремесла и торговля. В курганах и на поселениях найдены многочисленные предметы, относящиеся к литейному и кузнечному делу, ткачеству, обработке дерева, кости, кожи. Находки оружия и украшений импортного происхождения, весов и гирек, арабских монет и многих других привозных изделий говорят в пользу того, что Тимеревский комплекс в эпоху раннего средневековья играл важную роль в трансевропейских связях, являясь ключевым пунктом на Великом Волжском пути.

Здесь представлены изделия средневропейского, скандинавского, болгарского, арабского, среднеазиатского происхождения.

Жители Тимеревского поселения занимались также земледелием, скотоводством, охотой, рыбной ловлей. Таким образом, хозяйство древних обитателей этого района было комплексным, с доминированием, в данном случае, ремесла и торговли. В связи с этим, несомненно, важны находки не только инструментов и орудий труда, но и ремесленных мастерских. Одна из них (№ 8) была обнаружена при раскопках поселения — здесь было зафиксировано разрушенное основание горна, валун, использовавшийся в качестве наковальни, литейная формочка, два боевых топора с обломанными в древности обушными частями. В другой постройке (№ 52) найден большой набор ювелирных инструментов — керны, долотца, пробойники и др. Наконец, в 1987 г. на границе поселения и могильника обнаружена каменная печь для обжига керамики.

Важен вопрос о хронологии Тимеревского поселения. Все данные позволяют датировать его тем же временем, к которому относится могильник — IX—XI столетиями. На первом этапе (IX—X вв.) население данного района, и Тимерева в том числе, было смешанным. В изучаемом нами центре представлены славянский, финно-угорский и скандинавский этнические компоненты. Второй этап (XI—XII вв.) характеризуется уже сложившимся этническим массивом — древнерусским, ведущую роль в формировании которого в Волго-Окском междуречье на первом этапе играли словене новгородские, а на втором — кривичи. Безусловно, в состав как первых, так и вторых входили и иные этнические группы — северо-западные финно-угры, балты. В движе-

нии с северо-запада принимали участие и незначительные группы скандинавов.

Такова общая историко-археологическая характеристика наиболее крупных поселений и могильников у деревень Михайловское, Петровское и Тимерево, расположенных близ селища Медвежий угол, а затем и Ярославля. Все эти три центра имели протогородской характер, их население занималось главным образом ремеслом и торговлей. Поселение на Стрелке при впадении Которосли в Волгу, названное в местных преданиях Медвежьим углом, существовало синхронно с охарактеризованными выше центрами. Правда, возникло оно, видимо, несколько позже, чем Тимерево, Михайловское и Петровское, и поначалу не могло с ними сравниться ни по размерам, ни по развитию ремесла и роли в Волжской торговле. Однако отличия имели место не только по этой линии. Несмотря на то, что все три рассмотренных центра относятся к протогородам, каждый из них имел свои индивидуальные особенности. Именно в связи с этим следует рассматривать их соотношение с городом-крепостью Ярославлем.

Судя по погребальному инвентарю, обнаруженному в курганах Михайловского могильника, в этом центре значительный удельный вес имел дружинный элемент. И как мы уже отмечали, Михайловский комплекс, кроме прочих функций, вероятно, имел значение военно-сторожевого пункта на Великом Волжском пути неподалеку от поворота в глубины Ростовской земли. С возникновением крепости Ярославля Михайловский центр утрачивает эту функцию и достаточно скоро превращается в обычный пункт сельскохозяйственного характера. Следует указать на различную социально-экономическую природу Михайловского и Ярославля. Впрочем, это характерно и для двух других центров — Тимерева и Питровского.

Построение княжеской крепости — Ярославля было необходимо для охраны северо-западных рубежей Ростовской земли и более прочного положения на Волжском пути. Значит, Михайловский комплекс не соответствовал решению данной задачи. Видимо, это в самом деле так, и по двум причинам. Не только из-за различного географического положения (Ярославль возник на более удобном во всех отношениях месте), но по причине того, что в Михайловском доминировало родо-племенное общинное начало, хотя процессы расслоения общества зашли уже далеко. А Ярославль возникает как центр княжеско-феодальной власти и не только для обороны своей земли от соперничающих группировок, но и для борьбы с общинными порядками, с целью закабаления местного населения. Поэтому Ярославль, на наш взгляд, как военный центр, как город-крепость на Волге стал своеобразным преемником Михайловского.

Если предшественником этого города-крепости как военного форпоста, видимо, было Михайловское, то торгово-ремесленные

функции были им переняты у другого поселения — Тимеревско-го, подробная характеристика которого приведена выше. Тимеревский комплекс в IX—X вв. был важным торгово-ремесленным центром не только данного региона, но играл значительную роль и в дальних трансъевропейских связях. К концу X столетия это его значение постепенно было утрачено по целому ряду причин, и в том числе в связи с возникновением раннефеодального города Ярославля. Лишь Петровское, имевшее более «провинциальный» характер, продолжало свое существование параллельно с Ярославлем как сельское поселение, утратив свои протогородские черты. То, что произошло с Тимеревым и Михайловским, а именно их затухание и образование города-крепости Ярославля, имеет глубинные социально-экономические черты и является реальным историческим отражением процессов разложения родо-племенных отношений и становления феодального строя. Такой путь образования раннефеодального города мы называем «переносом города».